

Научная статья

УДК 81.366.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

МЕСТОИМЕННЫЕ И ГИБРИДНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ

Киров Евгений Флорентович¹,
Беляева Мария Вячеславовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. В статье рассмотрен вариант систематизации частей речи русского языка, в том числе гибридных частей речи, как то: порядковых, собирательных числительных и категории состояния. В исследовании дополняется состав русских местоимений, которые соответствуют всем основным частям речи. Для доказательства универсальности рассмотренных грамматических явлений приводятся параллели с немецким языком.

Ключевые слова: русский язык, часть речи, гибриды, причастие, герундии, порядковые и собирательные числительные, местоимение, немецкий язык.

Для цитирования: Киров, Е. Ф., Беляева, М. В. (2023). Местоименные и гибридные части речи русского языка в сопоставлении с немецким языком. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 52–66. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

Original article

UDC 81.366.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

PRONOMINAL AND HYBRID PARTS OF SPEECH: COMPARING RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Evgeny F. Kirov¹,
Maria V. Belyaeva²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. The article considers a variant of systematization of parts of speech of the Russian language, including hybrid parts of speech, such as ordinal, collective numerals and categories

of state. The study complements the composition of Russian pronouns that correspond to all the main parts of speech. To prove the universality of the grammatical phenomena considered, parallels with the German language are given.

Keywords: Russian language, part of speech, hybrids, participle, gerunds, ordinal and collective numerals, pronoun, German language.

For citation: Kirov, E. F., Belyaeva, M. V. (2023). Pronominal and hybrid parts of speech: comparing Russian and German Languages. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 52–66. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

Введение / Introduction

Приведение частей речи в системное единство осуществляется на протяжении многих веков. В Европе этот процесс начался после выделения Аристотелем первых частей речи языка — имени и глагола (Аристотель, URL). Однако окончательного и общепринятого варианта распределения частей речи в языках нет до сих пор, при этом некоторые новые части речи в русском языке выделены сравнительно недавно (в 30-е и 50-е годы XX века). В силу новизны таких частей речи возникают особые трудности в их системном восприятии, при этом местоимения существенно отличаются от гибридных частей речи. Настоящее исследование в некоторой степени восполняет данные пробелы, чем обусловлена его научная новизна.

Методология исследования / Methodology

В исследовании использован аналитико-прагматический индуктивный метод, направленный на определение сущностных характеристик понятий: *местоименность* и *гибридность частей речи*. Посредством системного и типологического подходов с использованием методов: наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и обобщения были выявлены основные черты рассмотренных языковых объектов. Материалом послужили выражения на русском и немецком языках, теории и исследования известных российских ученых, для сравнительного анализа привлечены грамматики немецких авторов. Общей идеей статьи является универсальность общеязыковых понятий местоименности и гибридности, для чего и были приведены примеры из разных языков.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Значительные трудности возникают при идентификации местоимения как части речи. Так, лингвисты сходятся во мнении, что местоимение лишено способности самостоятельно номинировать предметы, действия, признаки,

количества, подобно знаменательным частям речи. Суть местоимения сводится к тому, что оно указывает на что-то (предмет, признак, действие и т. д.), но не называет его (Русский язык, 2008, с. 231; и др.).

В последней академической грамматике 1980 года и ее краткой версии — «Краткой русской грамматике» (2002) — имеется особый подход к местоимениям: «По структуре словоизменительных парадигм и характеру выражения морфологических категорий особое место среди местоимений занимают местоимения-существительные: они характеризуются собственным специфическим выражением категориальных значений рода, числа и падежа и особенностями форм словоизменения. Это позволяет отделить их от имен существительных и видеть в них особую часть речи. Местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия не обладают подобной спецификой и потому рассматриваются как особые разряды местоименных слов, выделяемые внутри соответствующих частей речи (прилагательных, числительных, местоимений (видимо, здесь следовало поставить слово «наречий»? — Е. К., М. Б.))» (Краткая русская грамматика, 2002, с. 230).

Мы согласны с тем, что существует особая группа местоимений-существительных, но это не означает, что нет местоименных существительных. Одно не исключает другое, и об этом мы скажем далее. Вполне разумным решением будет выделять обе группы слов, но не ставить вопрос как альтернативу, отрицая существование местоименных существительных. Дело в том, что при таком подходе, на наш взгляд, будет нарушено единство местоимений как однородной группы слов, выступающих как заместители любой знаменательной части речи и выполняющих функцию соотносительного с ней дейктива, указывающего на нечто, но не называющего это нечто. Местоимения способны указывать и на предмет, выраженный существительным, но не называть его, например местоимения 3-го лица могут указывать на неодушевленные предметы: *Автобус не придет, он сломался; Я прочел книгу, и она мне очень понравилась; Эта идея замечательна! Она вдохновила меня. Das Buch ist nicht da, wo ist es doch?* и т. д. Они могут указывать на признак / качество действия — там, туда (наречные местоимения), и на действие, и на состояние, о чем мы скажем далее.

Другими словами, местоимения — заместители всех знаменательных слов (частей речи), в том числе и существительных, они могут указывать на лицо или предмет (в широком смысле, включая абстрактный предмет), но не называть его. Поэтому дейктивы существительных — лучше называть их так, чтобы не путать с местоимениями-существительными (Академическая грамматика, 1980) — не должны игнорироваться, наоборот, должны входить с ними в общий разряд дейктивов. Другими словами, *он = Саша, Петя, Ваня* — это местоименное существительное, потому что номинативно, а *он = автобус, камень, дом* — уже совсем иная часть речи, в определенной степени омонимичная предыдущей, — это местоименное существительное, т. е. дейктив существительного, потому что указывает на предмет, не называя его.

Однако имеется и вторая классификация местоимений по категориальному семантико-грамматическому значению, т. е. по собственной грамматической семантике. В этой семантической типологии выделяются местоимения личные, притяжательные, возвратное, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные. Особо подчеркнем, что так называемые *относительные местоимения* не являются местоимениями по функции, а относятся к союзным словам (синтаксическим скрепам). По сути дела, это гибриды местоимений и союзов, образующие особую синтаксическую скрепу, являющуюся членом предложения, в отличие от союзов, которые членами предложения не являются.

Таким образом, в целом в грамматиках можно встретить две таксономии местоимений: семантическую таксономию (личных, притяжательных, возвратного, вопросительных и т. д.) и функциональную типологию, которая включает в свой состав местоименные существительные, т. е. дейктивы существительных (*он она, оно, они* с указанием на предмет), местоименные прилагательные (*мой, такой* и т. д.), местоименные числительные (сколько, несколько, сколько-нибудь и т. д.) и местоименные наречия (*там, туда, тогда* и т. д.). Об этом писали многие грамматисты (Белашапкина, 1989; Краткая русская грамматика, 2002; Русский язык, 2008; многие вузовские учебники по русской грамматике и др.). Заметим при этом, что с момента открытия местоименного наречия (дейктива наречия) встал вопрос о внутренней форме термина *местоимение*. Дело в том, что наречие не является именем, но имеет дейктивные (указательные) слова, подобные местоимениям: *там, туда, тогда*, в немецком языке *dort, dorthin, damals* и т. д. Видимо, более уместным представляется термин *дейктив*, не связанный своей внутренней формой с именами как частями речи. В этом контексте встает вопрос о названии местоимений: может быть, они и не «вместоимения» вовсе, а универсальные «вместочастеречия», соотносимые со всеми знаменательными частями речи. Именно такую позицию мы склонны занимать и обоснуем ее в дальнейшем изложении. Таким образом, номенклатура местоимений может быть расширена (Киров, 1999).

Иначе говоря, следует обнаружить в русском (и не только в русском) языке еще и глагольные местоимения (местоглаголие, дейктив глагола), что уже сделано, а также местоименную категорию состояния («вместосостояние», дейктив категории состояния), что предстоит сделать. Важной проблемой русской грамматики является вопрос: имеют ли причастия, деепричастия и другие гибридные части речи (акад. В. В. Виноградов отнес такие слова к гибридам, В. В. Бабайцева назвала их переходными словами) свои местоимения? Мы ответим положительно на данный вопрос и покажем варианты решения этой проблемы в настоящей статье. Тогда система местоимений-дейктивов приобретет законченный характер, потому что местоимения будут соответствовать каждой из знаменательных частей речи, включая гибриды.

Глагольные местоимения, очевидно, были открыты в русском языке Л. Н. Засориной в статье «О местоименных предикатах в русском языке» (Засорина, 1965, с. 26–40). О глагольных местоимениях (местоглаголиях) пишет также и Ю. С. Маслов в широко известном учебнике «Введение в языкознание» (правда, в сноске, которая с точки зрения теоретической важности оказывается важнее иных книг): «Существуют также заместители глаголов. Иногда это так называемые “местоглаголия” (и, шире, “местопредикативы”), например англ. *do*, датск. *goere*, шведск. *goera* (все три собственно значат ‘делать’))» (курсив автора. — Е. К., М. Б.) (Маслов, 1997, с. 166). Далее в этой же сноске Ю. С. Маслов приводит пример русского «вместоглаголия» в высказывании *Мы его сейчас того*, в котором элемент *того* обладает всеми признаками местоимения: указывает на действие, но не называет его. Действительно, релятивный дейктив глагола (в нашей терминологии) *того* можно осознать, т. е. догадаться о его значении в контексте фразы или микротекста. Но самое важное то, что это действие не названо, на него только лишь указывается.

Особое место глагольным «местоимениям» уделила Н. Ю. Шведова в специализированной книге «Местоимение и его смысл» (Шведова, 1998). Она пишет: «Принято утверждать, что в русском языке нет дейктических глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и дейктические глаголы, по своему смысловому значению совпадающие с местоимениями. <...> это глаголы, способные означать любой поступок, действие событие, ситуацию... *Он сделал недоброе дело* = *Он бросил работу* / *...продал дом* / *унес чужую книгу* / *уехал жить в другой город* и т. д.» (Шведова, 1998, с. 42–43). К числу дейктивов глагола в русском языке Н. Ю. Шведова относит слова *делать, сделать, сделаться, происходить, сделано, быть, иметь место* и их синонимы, например *сотворить, устроить, наличествовать* и т. д. Действительно, например, выражение *имеет место* может указывать на любую бытийную сему — от физического до ментального действия, т. е. способно указывать на бытийный процесс, не называя его.

Дейктивов глагола много в русской разговорной речи, например: *Собака раз — и на другой стороне ручья* = *перепрыгнула*. *Ребенок раз — и под кроватку* = *залез* и т. д. Примеров такого типа достаточно в книге «Русская разговорная речь. Тексты» (Земская, 1978). Важно подчеркнуть, что такие глагольные дейктивы принципиально отличаются от глаголов «ультрамгновенного вида» типа *прыг, шмыг, скок* и т. п., обнаруженных А. М. Пешковским (Пешковский, 2001, с. 199), поскольку эти специфические глаголы называют процесс/действие лексически конкретно в своей корневой базе (*прыг* = *прыгать*, но резко и быстро, *скок* = резко скакнуть и т. д.).

Подобные дейктивы глагола имеются и в немецком языке, причем основным дейктивом глагола является слово *machen* (делать), потому что он обладает настолько широкой семантикой, что становится практически дейктическим глаголом, указывающим почти на любое действие, которое получает смысловую

конкретизацию лишь в контексте. Он может указывать на разнообразные физические действия (*Kleid machen — nähen; Essen machen — kochen*), в сочетании с существительными глагол *machen* указывает на процесс (*eine Erklärung machen — erklären; eine Bestellung machen — bestellen*) и т. д. Можно обнаружить и менее продуктивные глагольные дейктики, например глагол *kommen* (приходить). В разговорной речи этот глагол может использоваться в роли дейктива (*Komm, wie lange soll ich noch warten? — Давай, сколько еще ждать?*) — это указание на действие без конкретизации этого действия, так как в подобном случае глагол *kommen* утрачивает свое значение *приходить*.

Особый интерес вызывает открытие новых частей речи и последующее за этим открытие местоимений у этих вновь описанных частей речи. Впервые за много веков в грамматике была выделена еще одна часть речи — категория состояния. Характерно, что среди десяти категорий, выделенных Аристотелем, имеется специфическая категория «претерпевание», которая может быть соотнесена с состоянием как отдельной категорией (Аристотель. Категории). Л. В. Щерба, автор этой новой части речи в русской грамматике, которую он назвал «категория состояния», с некоторыми сомнениями выделил ее, но считал, что ее лучше выделить, чем не выделять (Щерба, 1974).

Возвращаясь к вопросу о словах категории состояния, мы также считаем, что такую часть речи в русском (и не только) языке выделить необходимо, но как гибрид. Однако в случае выделения категории состояния как самостоятельной части речи встает вопрос о местоимении категории состояния: имеет ли категория состояния свое местоимение (дейктив) и что это такое?

Что касается местоимения категории состояния, т. е. «вместосостояния», или дейктива категории состояния, то, обнаружив его в русском языке (как и в любом другом европейском языке), мы убьем сразу двух зайцев, т. е. решим проблему местоимения категории состояния и проблему частеречной принадлежности междометий. Так мы, во-первых, заполним не занятую до настоящего момента клеточку заместителей (дейктивов) знаменательных слов, которые в таком случае будут поставлены в соответствие всем без исключения знаменательным гибридным частям речи. И, во-вторых, также восстановим справедливость по отношению к одной незаслуженно обиженной группе слов, которые ничем не отличаются от типичных местоимений. Например, показательно название параграфа «Междометие и другие слова вне частей речи» в учебнике «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой (Белошапкина, 1981, с. 925).

Итак, чтобы обнаружить дейктив категории состояния, нужно найти слово, которое указывает на состояние, но не называет его. И таких слов в русском (и любом другом, например, немецком) языке довольно много — это междометия, которые вытесняются из частей речи.

Также функцию дейктивов категории состояния выполняют частицы (преимущественно эмоциональные), а также и целые словосочетания или даже

предложения с эмоциональным содержанием. В самом деле, если мы слышим высказывания типа: *Ой! Ах! Караул! Алле! Вот это да!*, в немецком аналогичные *Och! Ach! Hilfe!* и подобные, то мы имеем дело с дейктическим указанием на состояние, которое не называется конкретно, но на которое указывает междометие или эмоциональная частица, словосочетание или междометное предложение. При этом контекст может прояснить конкретно, о каком состоянии идет речь. Таким образом, междометия — это отнюдь не какие-то «недочасти речи», а самые настоящие местоимения: *Ой!* = *Мне страшно!* (или) = *Мне радостно!*; *Ах* = *Я боюсь!* (или) = *Я радуюсь* и т. д.

К числу дейктивов категории состояния следует отнести также и эмоциональные частицы, которые с трудом можно отделить от междометий: *ой, ах, вряд ли, вроде бы, ну и, что за* и т. д., поскольку все эти слова дейктически указывают на состояние, следовательно, являются дейктивами категории состояния, «вместосостояниями». Таким образом, междометия получают свое достойное место в таксономии частей речи русского языка.

Похожие дейктивы состояния можно обнаружить и в немецком языке, который располагает большим количеством междометий, передающих различные эмоциональные состояния. Параллель в данном случае очевидна, так как междометия в любом языке функционально идентичны. Приведем примеры: состояние радости — *juchhe! heisa!*; состояние удивления — *echt?*; состояние умиления — *ach du meine Güte!* и т. д. (вопрос о выделении категории состояния в немецком языке — прерогатива немецкой грамматики).

Разговор о замещении местоимениями знаменательных слов был бы неполным, если бы мы не сказали о дейктическом замещении гибридных частей речи, например причастий и деепричастий, которые, согласно В. В. Виноградову, являются гибридными частями речи (Виноградов, 1947).

Вопрос о дейктивах причастий не так-то прост, более того, он и не ставился отдельно в русской или немецкой грамматике. Как представляется, причастия, будучи типичными гибридами (Виноградов, 1947), в русском языке могут дейктивно замещаться указательными местоимениями, которые замещают и прилагательные: *читающий книгу — этот, тот, сей* и т. д.

Совсем необычно в русском языке выглядит ситуация с дейктическим замещением деепричастий, но все же претенденты на функцию дейктивов деепричастия в русском языке есть. Н. Ю. Шведова, описывая значение местоимения *как*, пишет: «**Как** включает в себе смысл сопутствующего процесса или процессуального состояния. Этот смысл заключен прежде всего в деепричастии» (полужирный курсив автора. — Е. К., М. Б.) (Шведова, 1998, с. 148). Далее приводится пример, с которым можно соотнести дейктив *как*: «Живите как смеясь». Можно на деепричастие указать дейктивом *так*, или *таким образом*, или *как-то так*, при этом такой дейктив не называет деепричастие конкретно (точнее, не имеет в себе семантики «дейктируемого» деепричастия), но лишь указывает на него (указывает на семантику деепричастия), например:

«Долго вы еще будете жить таким образом?» — в смысле /≠не работа/ или / = смеясь надо всем... и т. д. Следовательно, и у деепричастия в русском языке имеются свои дейктивы типа: *так-то так, как-то так, таким образом* (в прямом, т. е. не в модальном смысле), *кое-как, ни так ни сяк* и т. д.

Особую группу составляют личные местоимения 1-го и 2-го лица со значением личности в диалоге. Такие местоимения-существительные (Русская грамматика, 1980, и др.) имеют номинативную функцию. Важно подчеркнуть, что местоимения-существительные — это личные местоимения 1-го и 2-го лица и *он-она-оно* в личном значении, которые образуют диалоговую группу и обозначают участников диалога: 1-е лицо номинирует говорящего, 2-е лицо номинирует слушающего, 3-е лицо номинирует нулевого (в силу отсутствия) участника диалога. Мы предлагаем называть эти слова условно квазизнаменательными словами, т. е. квазисуществительными.

Суть различия в их семантике: все дело в том, что эти местоимения-существительные фактически номинируют спикера и корреспондента (можно выделить и такие роли среди актантов). Принципы выделения местоимений-существительных описаны также в «Русской грамматике» (1980). Фактически эту группу слов нельзя рассматривать как дейктивные слова, т. е. местоимения-дейктивы, так как они не указывают на предмет (не называя его), а являются своеобразным наименованием участников диалога: я = говорящий, ты = слушающий, он = нулевой участник диалога, присутствующий как образ, но отсутствующий физически. Таким образом, эти «местоимения» своеобразно номинируют лица в специфической ситуации диалога, функционально совпадая в этом с существительными.

Совсем в другом и функционально омонимичном значении употребляются местоимения 3-го лица, которые не обозначают отсутствующего (нулевого) участника диалога, а дейктически указывают на предметы окружающего мира (*он, она, оно, они* в смысле дейктического указания на стул, лампу, животных и т. д., как уже говорилось ранее). Эти дейктивы кардинально отличаются от диалоговых квазисуществительных-местоимений, поскольку функционируют как типичные (обычные) местоимения, т. е. указывают на предмет (или существо), но не называют его. В свете сказанного уместнее всего считать, что эти местоимения образуют особую группу и не могут быть объединены с диалоговыми местоимениями-квазисуществительными типа **я, ты, мы, вы, он, она, они** (последние три в значении нулевого участника диалога). Возможно, что в таком случае уместно говорить об омонимах, как и предлагала В. В. Бабайцева (Бабайцева, 2000).

Продолжим (уже краткое) упоминание других частей речи, также имеющих дейктивы. Легко осознать местоименные наречия, поскольку они, как говорилось ранее, указывают на признак действия, но не называют его. Конкретными наречиями будут слова типа *вверх, вниз, налево, направо* и т. д. Имеется в этой связи и дейктив наречия, указывающий на локальный признак,

но не называющий его, — это слово *туда* (это и *наверх*, и *вниз* — *куда* угодно). Подобным образом временные наречия *вчера*, *раньше*, *завтра*, *потом* и т. д. могут в речи заменяться дейктивом *тогда*. Дейктивов наречия в русском языке не очень много (скорее мало).

Местоименные числительные указывают на количество, не называя его, например, неопределенные дейктивы: *несколько*, *сколько-нибудь* и т. д. Подобные дейктивы есть и в немецком языке: *einige*, *einigermaßen*, *etwas* и т. д. Таких слов также немного.

Подводя итоги этой части работы, отметим, что в результате нашего анализа оказывается, что дейктивные (местоименные) слова в русском языке могут использоваться в соответствии со всеми основными частями речи без исключения: существительными (кроме диалоговых), прилагательными, числительными, наречиями, — что было осознано в русской грамматике и ранее (Белашапкина, 1989, и мн. другие грамматик), а также глаголом и словом категории состояния, что обнаружилось недавно.

Совершенно неожиданной стала возможность использования дейктивов в соответствии с гибридными частями речи, что выяснилось в самое последнее время. Следовательно, внутренняя форма древнейшего термина греко-латинской грамматики «местоимение» (*pronomen*) теряет свой смысл и требует замены. Мы предлагаем использовать для наименования таких слов терминосочетание «дейктив-релятив», наиболее полно отражающее суть этой очень старой части речи, понятой по-новому. Важно еще раз подчеркнуть, что любая знаменательная и гибридная часть речи имеет своего дейктивно-релятивного заместителя, т. е. свой дейктив-релятив, который является коррелятивным заместителем, присутствующим рядом с любой из них в системе языка и заменяющим ее в речи по принципу отсылочного указания на нее (без конкретного названия).

Сложной проблемой русской грамматики оказалось описание причастий и деепричастий (поразительно, что в академической грамматике 1970 года они были отнесены соответственно к прилагательному и наречию, а в академической грамматике 1980 года попали в разряд глагола, из чего следует, что ни тем, ни другим причастия и деепричастия не являются).

Наиболее логичным следует признать подход В. В. Виноградова, выделившего в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» особые гибридные части речи. К ним были отнесены *причастия*, *деепричастия* и некоторые другие слова, совмещающие признаки нескольких частей речи. Совершенно очевидно, что гибридом глагола и прилагательного является причастие, гибридом глагола и наречия является деепричастие (Виноградов, 1947, с. 272, 392). «Генетика» обеих частей речи легко осознается в смешанном составе граммем этих гибридных частей речи, которые существуют в русской грамматике самостоятельно как особые и отдельные части речи. Подобную точку зрения разделяла и В. В. Бабайцева, основавшая целую школу исследований

в этом направлении, но в другой терминологии и логике переходности (Бабайцева, 2000).

Укажем для контраста, что очевидным гибридом глагола и прилагательного в немецком языке также оказываются причастия (Partizip I и Partizip II), соединяющие в себе как категории глаголов (наклонение, время, залог), так и категории прилагательных (число, род, падеж определяемого слова, а также степени сравнения), например: *er saß **weinend** im Zimmer; ein **weinendes** Kind*. В первом случае причастие *weinend* обладает глагольными свойствами, т. е. изъявительным наклонением в активном залоге настоящего времени, во втором случае — *ein weinendes Kind* — причастие уже актуализирует свойства имени прилагательного и согласуется с определяемым словом в числе, роде и падеже. Эти свойства немецких причастий представлены практически во всех немецких грамматиках, хотя там они и не называются гибридами (Duden, 1995, с. 187–191; Erben 1965; Helbig, Buscha, 1977).

В позиции В. В. Виноградова принципиально важным является то, что сама типология частей речи приобретает иной формат. В ней присутствуют части речи разного типа: гомогенные (основные части речи) и гетерогенные (гибридные как самостоятельные части речи), что с позиций системологии является несомненным прогрессом (так, в биологии гибриды уже давно осознаются как отдельный вид растений, например алыча, грейпфрут и др. — это изначальные гибриды, рождающиеся и плодоносящие как гибриды, лишённые процессуальности в своем качестве).

Мы пойдем дальше по этому пути и выделим в русском языке еще ряд гибридных частей речи. Итак, гибридом прилагательного и количественного числительного является русское **порядковое числительное** (ПЧ), в котором синтезируются как семантические, так и грамматические показатели той и другой основной и знаменательной части речи. В семантическом плане ПЧ объединяет семы количественности и порядка при счете, при этом последняя сема и приобретает характер специфической признаковости (первое такси, третий вагон и т. д.). Морфологические показатели ПЧ совпадают с таковыми у прилагательного, однако ПЧ не может иметь краткой формы со всеми вытекающими из этого синтаксическими последствиями (обычно не может выполнять функцию предиката, подобно краткому прилагательному). В синтаксическом плане ПЧ оформляет своеобразное количественное определение. Подобное есть и в немецком языке: *der erste, der zweite (Tag)* и т. д., как и в других языках.

Гибридом количественного числительного и существительного является **собирательное числительное**, которое синтезирует сему количества и совокупности лиц, реже — предметов (*pluralia tantum*). Это небольшой и закрытый список слов, начинающийся со слов *двое, оба* и заканчивающийся словом *десятеро*. Семантика совокупности лиц, определенной количественно, сливается столь нерасторжимо, что эти слова представляют собой подлинные гибриды. В синтаксическом плане собирательное числительное перенимает

у существительного роль субъекта действия или, реже, пациенса, занимая в предложении позицию подлежащего или дополнения (Трое вышли из леса. Учительница похвалила троих).

Вторичными гибридами (гибридом гибрида и другого знаменательного слова) являются слова типа *вдвоем, втроем ... вдесятером* — в данном случае речь может идти о гибридизации первичного гибрида, т. е. собирательного числительного типа *трое, четверо* и т. д., с одной стороны, и наречия, с другой стороны. Количество таких вторичных гибридов находится в строгом соответствии с количеством собирательных числительных.

К числу форм, имеющих тенденцию к гибридизации, в русском языке следует отнести краткое прилагательное, которое лишилось declinacii и выступает в предикативной (типичной для глагола) функции в составе предложения/высказывания, являясь сказуемым. Так, в высказывании *Он хорош в игре в шахматы* сливается как бы два смысла: *Он хороший шахматист* и *Он хорошо играет в шахматы*. Из этого можно сделать вывод, что краткое прилагательное превращается в русском языке в гибрид глагола и прилагательного.

К «гибридоориентированным» формам в русской системе частей речи можно отнести инфинитив, который по происхождению, как известно, является именем.

Явными гибридами существительного и глагола являются латинские герундии и их соответствия в европейских языках (например, в английском). В русском языке тоже есть гибридное отглагольное существительное типа *переход, перелет*, которое приближается в своей эволюции к выделению в качестве гибридной части речи.

Во второй части статьи рассмотрим частеречную сущность категории состояния, выделенную, как известно, Л. В. Щербой в русской грамматике в 1928 году. В целом часть речи базируется минимум на трех основаниях:

- 1) общеграмматической семантике, отражающей категориальную суть части речи;
- 2) морфолого-грамматической системе словоизменения из окончаний, суффиксов и т. д.;
- 3) а также на типовой (изосемической) синтаксической функции.

Выделяют также и словообразовательную функцию части речи, т. е. при вычленении части речи учитывается и деривационный потенциал (основание 4). Однако важно подчеркнуть, что каждая часть речи имеет и свою оригинальную внешнюю форму, характерную только для нее (основание 5), так сказать, свое индивидуальное лицо. Это пятое основание никогда не рассматривалось как важное в грамматике русского языка, хотя диалектическое положение о том, что форма содержательна, а содержание формировано, остается непреложным.

Рассмотрим с этих позиций такую часть речи, как *категория состояния* (КС). Чешская грамматическая традиция позже в том же значении применяла термин «предикатив». Этим термином пользуется также школа П. А. Леканта (Лекант, 1995).

Итак, КС имеет основные характеристики части речи:

- 1) категориальную семантику состояния;
- 2) преимущественно аналитическую систему морфологического формоизменения (*холодно — будет холодно, было холодно, было бы холодно, пусть будет холодно, более холодно, холоднее, холоднее всего* и т. д.);
- 3) синтаксическую функцию предиката в безличном односоставном предложении (*Мне грустно и смешно...*). Казалось бы, все признаки, на которых стоит часть речи, налицо, и даже словообразовательные потенции (основание 4) у КС имеются: *холодно – холодненько – холодновато* и т. д.

Таким образом, КС как часть речи имеет право на существование, но одно важное обстоятельство мешает признать КС окончательно оформленной частью речи русского языка.

Все дело в том, что КС не имеет особой внешней, персональной формы слова, можно сказать, что она арендует внешнюю форму у других частей речи: *мне грустно* (внешняя форма наречия), *мне лень* (форма существительного), *на улице морозит* (форма глагола) и т. д. Такие словесные формы КС в русском языке, взятые напрокат, омонимичны формам других частей речи, у которых они заимствуются. И это отсутствие своей индивидуальной внешней формы ограничивает КС в правах, не позволяя окончательно укрепиться в частеречном статусе наравне с другими основными знаменательными частями речи (нет основания 5).

Как же сейчас понимать КС как части речи? Наиболее рациональным выходом для русской грамматики в настоящее время, как нам представляется, будет отнесение слов категории состояния к гибридам. Слова категории состояния типа *лень, холодно, светает, моросит* и подобные по форме совпадают либо с существительным, либо с глаголом, либо с наречием, либо с модальным словом (по Виноградову). Иначе говоря, такие слова, обозначающие состояние, как бы «паразитируют» на форме других слов, однако это никогда не проходит даром. Чужая форма напрокат всегда привносит, хотя бы частично, с собой семантику «метропольной» знаменательной части речи, у которой эта форма заимствуется. Из сказанного следует, что слова категории состояния изначально возникают как гибриды, суммирующие в своей семантике значение состояния и частично значение того слова, у которого они заимствуют форму. Именно в таком статусе в русской грамматике они существуют в настоящее время. В свете сказанного слово *лень*, например, следует отнести к гибриду состояния и существительного, слово *светает* — к гибриду состояния и глагола, слово *холодно* — к гибриду состояния и наречия, слово *вероятно* — к гибриду состояния и модального слова и т. д. При этом генетику обоих «родителей» проследить довольно легко: от потенциального слова категории состояния эти гибриды заимствуют семантику и синтаксическую функцию «безличной предикативности» в предложении. От донора формы они заимствуют некоторые морфологические категории и частично семантику, например остаточная семантика процессуальности в категории состояния *светает* сохраняется;

подобным образом сохраняется и сема предметности в слове *лень*, которое является словом категории состояния. Такую же «троянскую» передачу сем вместе с передачей внешней формы напрокат можно обнаружить в словах категории состояния, возникших как гибриды при участии наречия или модального слова, например в словах типа *холодно, жарко, тепло, скорее всего* и т. д. В целом можно констатировать парадоксальную ситуацию в системе частей речи русского языка: в эволюции языка первоначально возникает гибрид, а затем может возникнуть и сама часть речи, которая уже сейчас образует гибрид, будучи потенциальной частью речи (или частью речи «с поражением в правах»). Таким образом, возможное возникновение в будущем персональной, а не взятой напрокат внешней формы слова может превратить КС в настоящую и полноценную часть речи русского языка.

Заключение / Conclusion

Системное рассмотрение частей речи в целом и местоимений в частности привело к расширению их состава и выделению местоименных глаголов и местоименных состояний в классификации дейктических лексем языка. В результате возникает номенклатура частей речи, в которой местоимения, или релятивы, соотносятся со всеми знаменательными частями речи русского языка, включая гибридные части речи. В целом изучение гибридов, выделенных В. В. Виноградовым, в грамматике только начинается. Но уже сейчас осознана необходимость расширения гибридов в системе частей речи русского языка, к которым относится и категория состояния. Примечательно, что и в немецком языке обнаруживаются параллели, созвучные предложенной в статье тематике. Это свидетельствует об универсальном характере местоименности и гибридности как грамматических явлений языка.

Интересной перспективой исследования представляется вопрос о лингвистической инженерии, которая может вносить предложения о новациях и популяризировать их в речи через СМИ. Это придаст лингвистике, кроме имеющихся функций дескрипции (описания) и прескрипции (предписания), некое новое качество лингвокреативного института, создающего и популяризирующего научно обоснованные языковые новации. Размышляя с этих позиций, можно предполагать, что в русском языке может быть введен в оборот новый тип слова (типа *холодеж*, или другого подобного, в значении «мне холодно»), который создаст специфическую внешнюю форму для слов категории состояния, и именно это может привести к окончательному закреплению категории состояния как новой части речи в русском языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. *Поэтика*. Гл. 20. (2022, 20 сентября). <https://litra.top/book/poetika/page-20.html>
2. *Русский язык*. Энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. (2008). Научное изд-во «Большая российская энциклопедия».
3. *Краткая русская грамматика*. (2002). Рос. академия наук.
4. Шведова, Н. Ю. (гл. ред.). (1980). *Русская грамматика*: в 2 т. Наука.
5. Белошапкина, В. А. (ред.). (1989). *Современный русский язык*. Высшая школа.
6. Киров, Е. Ф. (1999). Части речи русского языка. *Вестник Нижегородского университета. Филология, 1*, 31–58.
7. Засорина, Л. Н. (1965). О местоименных предикатах в русском языке. *Вопросы общего языкознания*, 26–41.
8. Маслов, Ю. С. (1997). *Введение в языкознание*. Высшая школа.
9. Земская, Е. А. (1978). *Русская разговорная речь*: Тексты. Наука.
10. Пешковский, А. М. (2001). *Русский синтаксис в научном освещении*. Языки славянской культуры.
11. Щерба, Л. В. (1974). О частях речи в русском языке. *Языковая система и речевая деятельность*. Наука.
12. Аристотель. *Категории*. (2022, 20 сентября). <https://mir-knigi.info/books/starinnaya-literatura/antichnaya-literatura/page-2-78114-kategorii.html>
13. Виноградов, В. В. (1947). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Гос. учеб.-пед. изд-во.
14. Бабайцева, В. В. (2000). *Явления переходности в грамматике русского языка*. Дрофа.
15. Лекант, П. А. (2011). Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке. *Вестник МГОУ. Серия: Русская филология, 2*, 20–27.
16. Drosdowski, G. (hrsg). (1995). *DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* — 5. Dudenverl.
17. Erbe, J. (1965). *Abriss der deutschen Grammatik* — 8. Akad.-Verl.
18. Helbig, G., & Buscha, J. (1977). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Enzyklopädie.

References

1. Aristotle. *Poetics*. Chapter 20. (2022, September 20). <https://litra.top/book/poetika/page-20.html> (In Russ.).
2. *Russian language*. Encyclopedia. 2nd ed. revised and supplemented. (2008). Scientific publishing house «Bolshaya Russkaya Encyclopedia». (In Russ.).
3. *Concise Russian grammar*. (2002). Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
4. Shvedova, N. Yu. (1980). *Russian grammar*: in 2 vol. Nauka. (In Russ.).
5. Beloshapkova, V. A. (1989). *Modern Russian language*. Higher School. (In Russ.).
6. Kirov, E. F. (1999). Parts of speech of the Russian language. *Vestnik of Nizhny Novgorod University. Philology, 1*, 31–58. (In Russ.).
7. Zazorina, L. N. (1965). On pronoun predicates in Russian. *Problems of General Linguistics*, 26–41. (In Russ.).
8. Maslov, Y. S. (1997). *Introduction to linguistics*. High School. (In Russ.).

9. Zemskaya, E. A. (1978). *Russian colloquial speech: Texts*. Science. (In Russ.).
10. Peshkovsky, A. M. (2001). *Russian syntax in scientific illumination*. Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
11. Shcherba, L. V. (1974). About parts of speech in Russian language. *Linguistic system and speech activity*. Science. (In Russ.).
12. Aristotle. *Categories*. (2022, September 20). <https://mir-knigi.info/books/starin-naya-literatura/antichnaya-literatura/page-2-78114-kategorii.html> (In Russ.).
13. Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language. Grammatical doctrine of the word*. Gos. ucheb.-ped. izd-vo. (In Russ.).
14. Babaitseva, V. V. (2000). *Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language*. Drofa. (In Russ.).
15. Lecant, P. A. (2011). Analiticheskaya chast' rechi predikativ v sovremennom russkom yazyke. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*, 2, 20–27. (In Russ.).
16. Drosdowski, G. (hrsg). (1995). *DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache — 5*. Dudenverl.
17. Erbe, J. (1965). *Abriss der deutschen Grammatik — 8*. Akad.-Verl.
18. Helbig, G., & Buscha, J. (1977). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Enzyklopädie.

Информация об авторах

Евгений Флорентович Киров — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Evgeny F. Kirov — Doctor of Science (Philology), full professor of the Department of Russian Language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities, MCU.

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), full professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.